

УДК 81'42

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА АННЫ БЕРНС «МОЛОЧНИК»

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар

М.В. Балаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье анализируются стилистические особенности романа ирландской писательницы Анны Бернс «Молочник». Выделяются и описываются основные группы стилистических приемов и их составляющие. Целью анализа стилистических приемов, используемых автором, является определение их роли в интерпретации романа и в отражении индивидуально-авторского стиля Анны Бернс.

Ключевые слова: художественный текст, стилистические приемы, перечисление, повтор, асиндетон, градация.

Stylistic Peculiarities of Anna Burns' Novel "Milkman"

Veronika V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar

Maria V. Balaeva

Kuban State University, Krasnodar

Stylistic peculiarities of Anna Burns' novel "Milkman" are analyzed in the article. The main groups of stylistic devices and their components are distinguished and described. The aim of the analysis of stylistic devices used by the author is to determine their role in the novel interpretation and reflecting of Anna Burns' individual author's style.

Key words: literary text, stylistic devices, enumeration, repetition, asyndeton, climax.

Художественные тексты всегда представляли огромный интерес не только для литературоведов, но и для всего человечества в целом, так как они являются отражением и вместилищем культуры и менталитета народа, воплощенными и объективизированными в языке. Каждое произведение является уникальным, неповторимым продуктом мыслительно-творческой деятельности автора, что возможно благодаря стилистическому потенциалу языка как системы фонетических, лексических и грамматических средств, умелое использование которых создает разнообразные стилистические приемы, наделяющие текст образностью и выразительностью.

При анализе художественного текста необходимо, прежде всего, обратить особое внимание на языковую ткань произведения, а именно на языковые средства, служащие не только способом отображения внеязыковой действительности, но и формой языковых образов [1].

Стилистические особенности художественных текстов выявляются в процессе стилистического анализа, являющегося одним из компонентов

комплексного филологического анализа и нацеленного не только на выявление отклонений от привычных дистрибуций и синтаксических норм, лежащих в основе большинства стилистических приемов, но также и на определение их роли в выражении авторского замысла и оказании эстетического и психологического воздействия на сознание реципиента-читателя.

Ярким примером искусного владения стилистическим потенциалом английского языка, а также иллюстрацией того, какую роль играют стилистические приемы в понимании и интерпретации художественного текста, является роман современной ирландской писательницы Анны Бернс «Молочник», повествуемый от лица восемнадцатилетней девушки, преследуемой одним из самых влиятельных оппозиционеров. Целью автора является показать общество Северной Ирландии 1970-х годов, где любое поведение, даже никак не относящееся к политическим проблемам, политизируется.

Наиболее яркой стилистической особенностью данного романа является его синтаксическая организация, заключающаяся в использовании автором преимущественно длинных распространенных предложений с многочисленными рядами однородных членов, лежащих в основе таких стилистических приемов как перечисление, градация, асиндетон, полисиндетон, повторы.

Одним из примеров, ярко отражающих данную особенность, а также взгляды главной героини-повествовательницы, является следующая цитата: “So ‘I don’t know’ was my three-syllable defence in response to the questions. With it successfully I refused to be evoked, drawn out, shocked into revelation. Instead I minimalised, withheld, subverted thinking, dropped all interaction surplus to requirement which meant they got no public content, no symbolic content, no full-bodiedness, no bloodedness, no passion of the moment, no turn of plot, no sad shade, no angry shade, no panicked shade, no location of anything” [2, с. 216]. Первым стилистическим приемом анализируемого отрывка является фразовый эпитет “three-syllable defence”, безобразная природа которого отражает приземленность, практичность и рационализм главной героини, которой, несмотря на ее увлечение литературой 18 и 19 вв., чужды романтизм, поэтичность и образность в восприятии окружающего мира. Нарушение привычного порядка слов и перемещение обстоятельства образа действия “successfully” в начало в следующем предложении образует инверсию, служащую для переноса смыслового ударения и концентрации внимания читателя на успешности попыток героини дистанцироваться от общества. За инверсией следует ряд однородных дополнений, усиление эмоциональной окраски и семантического компонента «воздействие» которых образует восходящую градацию: to evoke – to make someone remember something or feel an emotion [20], to draw out – to encourage or persuade someone to express his or her

thoughts and feelings [3], to shock – to offend or upset someone by doing or saying something that they consider is immoral or unacceptable [3]. Данный стилистический прием показывает то, каким образом общество воздействовало на его членов – начиная с безобидных разговоров об интересующем вопросе, оно всегда добивалось своего, в случае несговорчивости усиливая психологическое, а иногда и физическое давление на объект своих преследований. Кроме того, взаимодействие семантики рассмотренных глаголов и семантической структуры лексемы “revelation” (the act of making known something that was secret [3]) образует глагольную метафору. За ней следует еще одна восходящая градация, отражающая меры противостояния главной героини неумолимому аппарату общества – от минимизации взаимодействия и удержания информации до изменения образа мышления. Еще одним синтаксическим стилистическим приемом в анализируемом отрывке является перечисление, сопоставляющее разнородные понятия и показывающее стремление главной героини предусмотреть все нюансы, которые могут возникнуть в процессе ее взаимодействия с другими членами общества. Отсутствие соединительных союзов между однородными дополнениями образует асиндетон, ускоряющий темп повествования и отражающий эмоциональное состояние главной героини – ее раздражение и постоянное напряжение, а повтор лексемы “но” служит усилению идеи и образованию более крепкой связи между компонентами перечисления. Кроме того, данное предложение содержит такой морфологический стилистический прием как расширение морфологической валентности (full-bodiedness, no bloodedness), позволяющий автору включить представленные характеристики в ряд однородных членов предложения.

Большое количество стилистических приемов содержит следующий отрывок, объясняющий отношение изображаемого общества к проблеме брака: “Marriage wasn’t meant to be a bed of roses. It was a divine decree, a communal duty, a responsibility, it was acting your age, having right-religion babies and obligations and limitations and restrictions and hindrances. It was not failing to be proposed to then ending up, yellowed and desiccated, dying some timid but determined spinster on some long-forgotten, dusty, spidery shelf” [2, с. 66]. Нельзя не отметить явный антиклаймакс в семантически однородном ряду «директива, долг, обязанность» (decree – an official statement that something must happen, duty – a responsibility to do something because it is legally or morally right to do it, responsibility – something that it is your job or duty to deal with [3]), и в относящихся к ним определениях «божественный» и «общественный», что создает стилистический прием убывающей градации, отражающей иерархию системы ценностей описываемого общества – на первое место ставились религиозные директивы, за которыми следовали общественные установки, в то время как желания отдельных индивидов играли наименее значимую роль в их

собственных жизнях. Далее следует перечисление, сопоставляющее понятия, не входящие в ассоциативное поле привычного понятия «брак», что говорит об искаженности ценностей и привычных общественных установок в Ирландии 1970-х годов. Повтор соединительного союза “and” образует полисиндетон, замедляющий темп повествования и концентрирующий, заостряющий внимание читателя на каждой лексеме, входящей в ряд однородных членов предложения. Анализируемый отрывок также содержит обособленную конструкцию, представленную метафоричными эпитетами “yellowed and desiccated”, сопоставляющими женщину в возрасте с пожелтелым и высушенным фруктом. Изолированные с помощью пунктуации и помещенные в позицию внешней семантической и синтаксической независимости, данные эпитеты получают дополнительное смысловое ударение, призванное привлечь внимание читателя. Идея старости, заброшенности и увядания подчеркивается также цепочкой эпитетов “long-forgotten, dusty, spidery”, образующих градацию и являющихся частью метафоры, сравнивающей старых дев с книгами на давно забытых, покрытых пылью и населенных пауками полках.

Проблема брака находит отражение и в эпизоде, когда главная героиня, основываясь на собственном опыте, представляет знакомство своего молодого человека с матерью: “There was no way, ever, I was going to give her him. She’d have done a process, had him through the system, one assessment question after another assessment question – hurrying things, hurrying things, trying to complete on things, complete on things, end things (which meant dating), begin things (which meant marriage), tie things up (which meant babies), to make me, for the love of God, get a move on like the rest” [2, с. 61]. Использование таких языковых единиц, как “system, process, assessment” создает впечатление, что речь идет не об обычной встрече-знакомстве, а о судебном процессе или встрече с аттестационной комиссией, задачей которых является оценить пригодность индивида к вступлению в рамки общественных догм. Последовательный повтор целых фраз и отдельных лексем в совокупности с асиндетоном превращает речь главной героини в нечто, подобное речи людей с психическими отклонениями, такими как шизофрения, при которой люди страдают от палилалии – болезненной потребности повторять некоторые слова и предложения, ускоряя темп речи и снижая громкость голоса. Подобный прием помогает автору показать, какое влияние на главную героиню оказали преследования Молочника, постоянные проблемы и давление со стороны матери, пытающейся как можно скорее выдать ее замуж, и стремительно распространяющиеся в обществе слухи, лишаящие девушку возможности жить привычной, относительно нормальной и устоявшейся жизнью. Автор также использует обособленные конструкции (“(which meant dating), (which meant marriage), (which meant babies)”), выделяя три

ступени, обеспечивающие, по мнению матери героини, успешную и социально приемлемую жизнь, исключая при этом все остальные факты, играющие важную роль в вопросе брака. Это еще раз подчеркивает заикленность членов изображаемого общества на социальных нормах и на том, чтобы угодить обществу, в котором они живут, даже если при этом придется пренебречь собственным счастьем. Они настолько привыкли к данному укладу, что уже и не задумываются о его верности и адекватности.

Давление, оказываемое на главную героиню ее матерью, и мотивы этого давления представлены в следующем отрывке: “Which was why she was still coming to see me. My mother. To upbraid me. To harangue me. To command me to cease being – even though I wasn’t – one of those women” [2, с. 152]. Прибегая к парцелляции, автор замедляет темп повествования, давая читателю возможность прочувствовать и проанализировать каждый изолированный фрагмент. Кроме того, цепочка глаголов образует некую возрастающую градацию – от укоров и увещаний до приказов – отражающую усиление мер, принимаемых героиней в связи с ухудшением репутации ее дочери. Последнее предложение также содержит обособленную конструкцию, подчеркивающую нежелание героини верить в невиновность собственного ребенка.

Автор не обходит стороной и описание жизни военизированных группировок оппозиционеров, вкладывая в уста матери главной героини следующие строки: “You’ll regret it, daughter, finding yourself ensnared in the underbelly of all that alluring, mind-altering, unruly paramilitary nightlife. It’s not all it seems. It’s on the run. It’s war. It’s killing people. It’s being killed. It’s being put in charge. It’s being beaten. It’s being tortured. It’s being on hunger strike. It’s having yourself made over into an entirely different person” [2, с. 65]. Взаимодействие семантики глагола “ensnare” (to catch or get control of something or someone [4]) и цепочки безобразных эпитетов “alluring, mind-altering, unruly” создает негативный образ, далекий от часто присущей в литературе и кинематографе подобного рода образу жизни романтизации. Центральной идеей данного образа становится обман и неспособность человека адекватно воспринимать реальность – внешняя привлекательность и буйность жизни оппозиционеров сопоставляется с воздействием психотропных веществ, так как сложная лексема “mind-altering” является атрибутивом наркотических веществ: a mind-altering drug has a strong influence on a person's mental state, causing feelings of extreme happiness and making people consider things in an unusual way [3]. Перечисляя все составляющие подобного образа жизни, автор использует анафору и параллельные конструкции, тем самым давая понять, что убийства, пытки, обвинения, участие в забастовках, потеря собственного «я» – все это неотъемлемые и неизбежные компоненты жизни противников Англии, которые рано или поздно настигнут каждого члена оппозиции.

Отсутствие каких-либо соединительных союзов в цепочке однородных предложений образует асиндетон, придающий речи героини большую эмоциональную окраску и отражающий ее эмоциональное возбуждение.

Опасность положения оппозиционеров заключалась также и в том, что за ними велась беспрестанная слежка, не дающая спокойно жить даже тем, кто не имел никакого отношения к военизированным группировкам: “On each occasion when I did hear them, the camera would snap as I passed and so, yes, it seemed I’d fallen into some grid, maybe the central grid, as part of the disease, the rebel-infection” [2, с. 85]. В рамках сравнения, скрывающиеся в самых неожиданных местах шпионы с фотокамерами представляются главной героине сетью электроснабжения (grid – a system of wires through which electricity is connected to different power stations across a region [3]), в центре которой находится она сама, своими действиями и поступками производя электричество, запуская работу шпионских камер. Метафора “the rebel-disease” показывает отношение государства к оппозиционерам, считающего их нездоровыми элементами общества, а саму идею бунта рассматривающего как нечто заразное, распространяющееся, словно инфекция, по воздуху и заполняющее сознание все большего количества людей.

Однако меры борьбы с иноверцами не ограничивались слежкой – города регулярно наводнялись солдатами, вершившими произвол: “It wasn’t agreeable to go out your door otherwise, and to be stopped on the street and, outnumbered and at gunpoint, ordered to answer questions, to spread against a wall, to be searched against that wall – beside the entries, the tops of those entries – to stay put in that exact search position for as long as those soldiers thought appropriate; not agreeable either, to be smirked at by these grown men with their guns, should you – the wife, the sister, the mother, the daughter – come out your door to bear witness to what was being done to your son, your brother, your husband or your father” [2, с. 119]. Перечисление и асиндетон в данном отрывке служат для создания более реалистичной картины, отражающей стремительность описываемой процедуры обыска. Выделение некоторых синтаксических элементов в обособленные конструкции помогает автору обратить внимание читателя на наиболее значимые, по ее мнению, факты: количественное превосходство солдат и приставленный к голове обыскиваемого пистолет, места обыска и роль женщины и отношение к ней со стороны правительственных военных сил. Ряды однородных членов предложения, включающие лексемы, обозначающие практически всех членов семьи, и образующие перечисление, подчеркивают тот факт, что никто не был застрахован от подобных случаев, вне зависимости от пола, возраста и социального положения. Кроме того, выделение лексем, обозначающих индивидов женского пола, в обособленную конструкцию создает некоторого рода

отсылку на четкое разделение ролей между мужчиной и женщиной в описываемом обществе.

Из проанализированного отрывка видно, что жизнь в Ирландии 1970-х годов была трудной и небезопасной, что еще раз подтверждается метафорой, вложенной в уста главной героини: “in those days, those extreme, awful crowd days <...> those streets <...> were the battlefield” [2, с. 140]. Сопоставляя улицы города с полем боя, автор ссылается не только на конфликт Ирландии и Англии, но и на войну, которая велась внутри Ирландского общества – войну между военизированными оппозиционерами и людьми, пытающимися абстрагироваться от политических проблем и вести нормальную жизнь, что и пыталась сделать главная героиня романа, на своем примере доказав, что в то время и в том обществе это было невозможно.

Еще одним ярким примером, иллюстрирующим насыщенность анализируемого романа стилистическими приемами, является описание лучшего друга молодого человека главной героини: “This was chef – truly a man of nerves. Here I mean pure nerves, total nerves, dramatic nerves, nerves up to high doh, a hundred per cent not average. He was driven, unsmiling, sunken-eyed, also perpetually exhausted and he’d been these things even before the idea to become a chef had ever entered his head” [2, с. 42]. Первым стилистическим приемом данного отрывка является обратный эпитет, представленный существительным “nerves”, связанным с определяемой лексемой предлогом “of”. Задача данного эпитета – выделить отличительное качество описываемого человека и раскрыть субъективно-оценочное отношение к нему говорящего. В совокупности с метафорическими эпитетами следующего предложения он образует возрастающую градацию (total – including everything; dramatic – very sudden or noticeable, or full of action and excitement; be up to high doh – to be in a very nervous or excited state [3]), создающую образ человека, находящегося в постоянном нервном напряжении, остро реагирующего на каждое, даже незначительное, событие. Анализируемый отрывок также содержит цепочку безобразных эпитетов (“driven, unsmiling, sunken-eyed”), гиперболизацию (“perpetually exhausted”, perpetually – in a way that never ends or changes; constantly [4]) и глагольную метафору, персонифицирующую преследовавшую героя несбывшуюся мечту стать шеф-поваром (“idea entered”, to enter – to come or go into a particular place [3]).

Описание охватывавших главную героиню чувств при приближении преследовавшего ее Молочника выражено еще одной яркой метафорой: “Of course the urge to panic was upon me also. I could feel it stirring in the air, as well as sense it coming in ripples, then in wave upon wave”; “This had been a movement unnatural, an omen of warning, originating in the coccyx, with its vibration then setting off ripples – ugly, rapid, threatening ripples” [2, с. 100]. В

обоих случаях автор сравнивает овладевавшую героиней панику с водной стихией, тем самым подчеркивая неспособность героини контролировать свои чувства и передавая ее эмоциональное состояние через образ человека, задыхающегося под накатывающимися одна за другой волнами, не позволяющими ему вынырнуть, чтобы вдохнуть спасительный воздух (wave – a raised line of water that moves across the surface of an area of water, especially the sea; ripples - a small wave or series of waves on the surface of water, especially as caused by a slight breeze or an object dropping into it [4]).

Таким образом, роман Анны Бернс «Молочник» является ярким представителем романа 21 в., основная стилистическая особенность которого – употребление преимущественно синтаксических стилистических приемов, таких как перечисления, повторы, парцелляция, асиндетон, полисиндетон, параллельные конструкции, обособленные конструкции, позволяющих автору менять темп повествования и контролировать внимание читателя, более ярко и реалистично передавать особенности мышления и речи главной героини. Подобная манера письма формирует характерный стиль повествования, напоминающий «поток сознания». Важную роль в интерпретации романа играют метафоры, возникающие в моменты сильного эмоционального напряжения главной героини и служащие намеком на то, что за ее внешними рационализмом и приземленностью скрывается поэтичная душа. В тексте также присутствует большое количество безобразных лексических стилистических приемов, таких как сравнения и эпитеты.

Список литературы

1. Борисова Е.Б., Стройков С.А. Использование электронного гипертекста при сопоставительном лингвопоэтическом анализе художественного произведения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3. С. 146–150.
2. Burns, A. Milkman. London: Faber and Faber, 2018. 368 p.
3. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 05.10.20).
4. Merriam-Webster Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 10.10.2020).